

УДК 821.161.1

**ХРИСТИАНСКИЙ КОД ИМЕНИ СОФИЯ
В РОМАНЕ Е. ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН»**© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

© *Муратова Ксения Александровна*

учитель русского языка и литературы,
Лицей № 27 г. Улан-Удэ
670017, Улан-Удэ, ул. Туполева 14а
E-mail: muratovaksen@gmail.com

Авторы статьи рассматривают христианский компонент имени героини в романе Е. Чижовой «Время женщин» (2009), который встраивается в широкое поле христианских мотивов в русской литературе. Е. Чижова относится к современным писателям, поднимающим философские и морально-этические проблемы, часто обращающимся к православным истинам. В романе «Время женщин» писательница уделяет особое внимание выбору имени для героини перед таинством крещения. Имя Сюзанна, данное матерью, отвергается, а выбранное по Святцам имя София играет огромную роль в становлении характера девочки, предугадывает ее судьбу. Из немой девочки она превратилась в художницу, создающую нестандартные картины, подходящие на иконы. Героиня изображена в особом мире духовных ценностей, в процессе внутреннего поиска истины. Христианский код, заложенный в зеркальных оппозициях и инвариантах имени София, носит глубоко мотивированный и полифункциональный характер.

Ключевые слова: современная русская литература; Е. Чижова; роман «Время женщин»; христианский код; литературная традиция; имя София; божественная премудрость.

Для цитирования

Берёзкина Е. П., Муратова К. А. Христианский код имени София в романе Е. Чижовой «Время женщин» // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 4. С. 76–81.

Обращение к основополагающим национальным ценностям, к которым относятся христианские идеалы и традиции как стержневые в сознании русского человека, позволяет раскрыть «смысловые глубины творений русской классики... во внешнем безграничном поле – в большом контексте» [5, с. 5]. Русские писатели в XX в. не переставали отражать христианские ценности как нравственные, даже во время отрицания и запрета церкви. Христианский код, разумеется, видоизменялся, но в конечном итоге актуализация мотивов искушения, покаяния, спасения, милосердия придавала произведениям искренность и сокровенность.

Современные писатели активно обращаются к христианскому контексту, используют библейские образы, мотивы, идеи для выражения концептуального ав-

торского замысла. К ним следует отнести Е. С. Чижову, автора романов «Крошки Цахес» (2000), «Лавра» (2002) и других. А роман «Время женщин» (2009) завоевал премию «Русский Букер», привлек внимание театральных режиссеров. Мотивы грехопадения, искушения, соблазнения, погружения в адские муки и смерть не отменяют в романе внимания к носителю ангельского начала: героиня романа, как ангел небесный, избрана от рождения, болезненна, лишена дара речи, и ее имя важно в связи с предназначением, предугадыванием судьбы и характера человека.

Творчество писательницы уже около 10 лет находится в поле зрения критиков и литературоведов. Немало внимания уделено и роману «Время женщин». Так, Е. Погорелая обратила внимание на то, как в ее романе происходит рождение слова из «немоты», но оттого громче «звучит», что преломляется в метафору физического безъязычия героини Софии [6, с. 259]. Другой критик в статье «Время Чижовой», сравнивая его с более ранним романом «Лавра», писал, что нет уже у нем простого монолога, а есть замысловатый, нелинейный сюжет, сказовая интонация. По его мнению, этот роман рассказывает о том, как разные женщины подстраиваются под этот мир: Антонина «слепо тычется», Евдокия, Гликерия и Ариадна уходят в сознательное «подполье», а София, став взрослой, остраивает мир через искусство, т. е. пишет картины нестандартно, имеет собственное видение [2]. Е. Губайдулина отмечает знаковую роль Софии как чудесного дитя – она проверяет характеры всех, кто оказывается рядом: и трех старух, взявших впоследствии девочку под свою опеку, и председателя месткома Зою Ивановну, пытающуюся социализировать ребенка в советский коллектив, и Николая, грозившегося рассказать о недуге девочки. В результате работники завода воспринимаются Антониной как злодеи, а соседки по квартире – добрые феи [4].

В начале XX в. П. А. Флоренский утверждал, что в имени заключается главное слово о литературном герое: «Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [9]. В работе Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» находим развитие этой мысли: «В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [8, с. 269]. О важности имени литературного героя в дальнейшем писали М. С. Альтман, В. В. Виноградов, С. И. Кормилов, Б. А. Ларин, А. Ф. Лосев, М. Ю. Лотман, В. Н. Михайлов и другие, сходясь в мыслях о том, что писатель наделяет героя именем для воплощения своего замысла, реализации художественной идеи, поэтому имя мотивировано и несет множество художественных функций, прежде всего характерологию, сюжетно-композиционную организацию произведения [3, с. 7].

Возможно, именно поэтому впервые в романе «Время женщин» мы сталкиваемся с христианскими мотивами именно в сцене выбора имени для девочки и подготовки ее к крещению: «Тут, за столом, едва получив ребенка на руки, пришли к согласию: первым долгом – покрестить. <...> По метрикам значилась Сюзанной. Имячко басурманское, прости Господи. <...> Думали-думали, листали Святцы. Имен хороших не счесть, но первое попавшее не выберешь. <...> Решили в честь Софии...» [10, с. 18].

Автор вводит два противоположных имени – Сюзанна и София. Мать дала дочери светское имя Сюзанна, видя в нем определенное благородство: «А еще думаю, от имени много зависит. Взять хоть мое: Тонька да Тонька. Я тогда еще решила: если мальчик, в деда назову – мужикам все одно. А девочка – пусть с детства красивое имя слышит. Может, жизни моей не повторит» [10, с. 36–37]. Однако старухи сочли такое имя «басурманским» и не подходящим приличной женщине. Они не решились прямо перечить матери и посвящать ее в планы о крещении, ведь в 1960–1970-е гг. не следовало упоминать о подобном церковном таинстве. Они выбрали имя, «листая Святцы», и поскольку девочка уже носила имя, данное матерью, то подбирали созвучное православное, решив назвать в честь Софии, которая подразумевалась в дальнейшем ее небесной покровительницей. Таким образом, задается первый признак мотивированности имени героини, отсылающий к лику святой Софии, премудрости Божией.

Это имя относится к древним церковным именам. П. А. Флоренский пишет о нем и его обладательницах: «... по природе своей – собственно женской личности, может по общему своему характеру быть ближе к творчеству духовной силы в природе. <...> Поэтому понятно и большее сходство и сродство этой женской деятельности с зиждательством мировой души и глубочайшего ее духовного средоточия в зиждательной Премудрости Божией, Девы Софии» [9]. Склонность героини романа Чижовой к творчеству проявится достаточно рано, девочка в свои пять-шесть лет будет хорошо рисовать, вырезать снежинки и украшать ими окна и стены комнаты, будет обладать богатым воображением. Не умея говорить, она придумывала сказки и заселяла героев в предметы домашнего интерьера: шкафы, полки, ящики стола или комода. Второй признак мотивированности имени София связан с духовным творческим началом.

Кроме того, имя София имеет свою литературную традицию, героини с этим именем были в комедиях Д. И. Фонвизина «Недоросль» и А. С. Грибоедова «Горе от ума», но больше героинь с именем Софья можно встретить в романах Ф. М. Достоевского: Софья Семеновна Мармеладова («Преступление и наказание»), Софья Ивановна («Братья Карамазовы», вторая жена Федора Карамазова), Софья Матвеевна Улитина («Бесы»), Софья Андреевна Версилова («Подросток»). М. С. Альтман в книге «Достоевский по вехам имен» пишет, что все героини с этим именем были похожи на мать писателя: «...ей были присущи основные черты всех “Софий” Достоевского: смирение, безответность, приниженность, незащитность, смирение, пожалуй, больше всего. И если “София”, вообще, означает мудрость, то у Достоевского мудрость его Софий – смиренномудрие...» [1, с. 176]. Интертекстуальные отголоски Софий Достоевского, безусловно, присутствуют в героине Чижовой: она безответная во всех смыслах этого слова и незащитная особенно после смерти матери, смиренная, принимающая свою безропотно судьбу, и мудрая в принятии решения остаться жить в России.

Как пишется в словарях имен, София – есть начало, посредствующее между Богом и миром, София – это всеобщая мать, т. е. душа всего живого. При этом существует два воплощения: Падшей Софии/Евы, которая в ответе за первородный грех человечества, и Богородицы, воплощающей Премудрость Божию, она – искупительница первородного греха, спасительница человеческого рода от греховности [7]. «Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее

жизни. Но это не значит, что, определенная, личность не свободна от своего имени – в его пределах. И прежде всего: каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей» [9]. Таким образом, выбор имени героини позволяет вписать ее в особое жизненное пространство, отличное от окружающих ее людей. В нем сказывается как литературная традиция, идущая от Достоевского, так и православная символика сотворения мудрого начала, отразившаяся на дальнейшей судьбе будущей художницы – это можно отнести к третьему признаку мотивированности имени София.

В романе Чижовой значимость и красоту имени объясняла девочке одна из старух – Евдокия, подбирая для этого простые и важные слова: «Ты, – говорит, – случись чего, дак имя свое помни. Не это – Сюзанна. Это для людей. А для Бога имя тебе – София. Она и заступница небесная. Дева белоснежная, Божья слава. Самая премудрая – мудрее и нет на свете. Бог ей шепнет, а она добрым людям пересказывает. Все передаст – до словечка. А те, кто не слушают, одно уныние в них да глупость. А Софья и не глядит на них: знай себе вокруг смотрит. Наглядится за день, а к вечеру сядет, краски с карандашами возьмет – все как есть нарисует. И леса зеленые, и моря синие, и города разноцветные. Одно слово, художница...» [10, с. 171]. Тем самым Евдокия проектирует творческую идентичность ребенка, закладывает духовные основы, сформировавшие личность Софии. Все, что видела за день, девочка рисовала вечером на бумаге карандашами. Старухи Гликерия, Евдокия и Ариадна, искренне считавшие себя бабушками и наставницами ребенка, хотели, чтобы девочка выросла под влиянием и защитой божественного имени. Это ожидание реализуется в тексте: «маленькая художница» действительно превращается в студентку Мухинского училища, а затем взрослую неординарную художницу.

Таким образом, становится понятно, что имя София и заложенные в нем христианские установки определили судьбу девочки. Ее картины далеки от стандартов, а личная память формировала особое мировидение на полотне. Она словно уходила от материи реальной жизни в другие измерения, ей были подвластны высокие уровни человеческого бытия. П. А. Флоренский, разбирая имя София, писал: «...σοφία, – ýнергия более высоких планов бытия, более творческая и менее доступная отвлеченному анализу» [9].

Жизнь в своем мире, полном других ценностей, а не приоритет материальных ценностей вроде внешнего успеха и преходящей славы, – таковой стала жизнь Софии – Сюзанны. Она сохраняла светлую память о прошлом, была верна внутренней тяге к поиску истины. «Я узнаю слова, которые меня тревожат, и надеюсь найти образы, чтобы написать эту картину. А иначе зачем я стала художником: спала и проснулась?» [10, с. 220].

В финале романа проявляется мотив духовного пробуждения героини на уровне интуитивного постижения ею высшей Божественной сущности. Героиня постигает мудрость жизни через творчество, написание ею картин, за образами которых в ее сознание приходят слова как рождение высшего смысла. София читает «Голубиную книгу», которая становится для нее проводником в христианские основы бытия. Героиня признается: «В этой книге есть история про Кривду и Правду, и, когда я ее читаю, мне кажется, будто я все помню» [10, с. 220]. Пи-

сательница вводит фрагмент этой древней книги о победе Правды: «Победила Кривду, переспорила. И отправилась напрямиком в небеса, к самому Христу, Царю небесному. И воссела одесную Отца – подле Духа Святого, рядом с Матерью» [10, с. 222]. Помнить подобное способен не обычный человек, поэтому имя София делает героиню носителем прапамяти, позволяя глубже раскрыть христианский уровень постижения романа.

Сюзанна – София, немая девочка – талантливая художница, одинокая женщина – Божественная премудрость – так Е. Чижова в зеркальных оппозициях, инвариантах имени раскрывает сущность своей героини, а вместе с ней и всего произведения. Христианский код, заложенный в имени София, становится основополагающим в становлении черт характера и определении судьбы главной героини романа «Время женщин». Его читателю понятно, что выбор имени героини был автором четко мотивирован и что его полифункциональная заданность прописана. Это видно и в том, что не только имя София, но и другие имена в романе тоже являются показательными и «говорящими», создавая целую систему по принципу притяжения – отталкивания.

Литература

1. Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1975. 280 с.
2. Булкина И. Время Чижовой // Знамя. 2011. № 2. С. 202–205.
3. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001.
4. Губайдулина Е. «Птицы радости, птицы печали» [Электронный ресурс]. URL: http://www.smotr.ru/2010/2010_sovg_vremya.htm#infox (дата обращения: 10.11.2020).
5. Кошемчук Т. А. Русская литературы в православном контексте. СПб: Наука, 2009. 278 с.
6. Погорелая Е. В поисках озвученного времени // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 255–271.
7. Суперанская А. В. Словарь личных имен. М.: АСТ-Пресс, 2013. 288 с.
8. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 575 с.
9. Флоренский П. А. Имена [Электронный ресурс]. URL: <http://magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren03.htm> (дата обращения: 10.11.2020).
10. Чижова Е. С. Время женщин. М.: Изд-во АСТ, 2018. 410 с.

CHRISTIAN CODE OF THE NAME SOFIA IN THE NOVEL «THE TIME OF WOMEN» BY ELENA CHIZHOVA

Elena P. Beryozkina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

Kseniya A. Muratova

Teacher of Russian language and literature,
Lyceum No. 27 Ulan-Ude
14a Tupoleva St., Ulan-Ude 670017, Russia
E-mail: muratovaksen@gmail.com

The authors review the Christian component of the heroine's name in the novel «The Time of Women» by Elena Chizhova, which allows to enter a wide field of Christian motives in Russian literature. Despite the fact that Elena Chizhova is a modern writer, her appeal to Orthodox truths is deeply respectful. In «The Time of Women», the writer pays special attention to the choice of a name for the heroine before the sacrament of baptism. The name given by the mother – Suzanne – is rejected, while the name chosen according to the Holy Calendar – Sofia – plays a huge role in the formation of the girl's character, predicts her fate. From a dumb girl, she turned into an artist, creating non-standard paintings that resemble icons. The heroine is depicted in a special world of spiritual values, engaged in an internal search for truth.

Keywords: modern Russian literature; Elena Chizhova; «The Time of Women»; Christian code; literary tradition; name Sofia; divine wisdom.